

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*Наталья Петровна ДВОРЦОВА —
профессор кафедры
русской литературы
филологического факультета,
доктор филологических наук*

УДК 821

ДИСКУРС КАК КАТЕГОРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка объяснить причины востребованности категории «дискурс» в современном гуманитарном знании.

The attempt to explain the reasons of the «discourse» category in modern humanities is being made in this article.

В статье «Текст в тексте» (1981) Ю. М. Лотман пишет о существовании особого рода научных терминов, которые он называет знаками эвристического пространства науки. Они парадоксальны по сути: «Лавинообразный рост их частотности в научных текстах сопровождается утратой необходимой однозначности» [1, с. 3]. Суть их, по мнению Ю. М. Лотмана, не столько в терминологически точном обозначении понятия, сколько в том, что они «сигнализируют актуальность проблемы, указывают на область, в которой рождаются новые научные идеи» [1, с. 3].

Двадцать лет назад таким термином был для Ю. М. Лотмана термин *текст*. Сегодня не будет, видимо, преувеличением утверждение о том, что таким термином, знаком эвристического пространства современной науки, является термин *дискурс*. Во всяком случае лавинообразный рост его употребления и предельная неоднозначность у него сегодня есть [2]. Дискурс сегодня – не только литературоведческая и лингвистическая категория, он активно используется в культурологии, философии, журналистике, психологии, теории коммуникаций, то есть во всем комплексе гуманитарных наук. Важным представляется то, что им пользуются исследователи различных, более того, полярных методологических ориентаций: как сциентистских [напр., 3], так и антисциентистских [напр., 4].

В статье предпринята попытка ответить на вопрос о том, каковы те эвристические смыслы, о которых термин *дискурс* сигнализирует. При этом важно подчеркнуть неизбежную субъективность исследовательской позиции и обозначить те теоретические установки, с позиции которых возможен разговор о дискурсе и дискурсном анализе.

Прежде всего, теория дискурса, безусловно, не является, как говорил В. М. Жирмунский, «единоспасающей научной теорией» [5, с. 96]. Она должна быть понята в

контексте современной методологической ситуации. Отечественное литературоведение 1960-1980-х гг. с его эклектикой марксистско-ленинской науки и традиции культурно-исторической школы, феноменом академического авангарда и движением от структурализма к постструктурализму определялось, очевидно, противостоянием Ю. М. Лотмана и М. М. Бахтина, структурно-семиотического и онтологического, герменевтического подходов. В 1990-е годы, когда произошло окончательное крушение генеральной линии, Ю. М. Лотман превратился в Юрмиха, а М. М. Бахтин – в икону бахтинологии, мы осознали катастрофизм нашей оторванности от внесоветской – отечественной и зарубежной — филологической мысли и оказались в ситуации методологического кризиса, временами переходящего в методологический сон.

Эта ситуация, очевидно, характеризуется эклектикой двух типов. Во-первых, неотрефлексированной методологической эклектикой, заменившей рухнувшее марксистско-ленинское литературоведение. Она имеет тенденцию перехода в методологическую невнятицу и методологический нигилизм. Во-вторых, это тенденция, которую А. К. Жолковский условно называет просвещенным эклектизмом [6, с. 9-10]. Это сознательный эклектизм, понятый как свободное владение всеми предшествующими и современными научными традициями в ситуации сосуществования и смены классической (модерн) и постклассической (постмодерн) парадигм культуры и моделей науки. С этой точки зрения, современное литературоведение предстает как наука гетерогенная, полицентричная, объединяющая множество способов мыслить литературу, каждый из которых относителен в сопоставлении с другими системами мысли, то есть имеет свои возможности и границы.

Слово *дискурс*, как известно, латинское. В словарях [напр., 7, с. 334-335] отражено как минимум девять его значений: от «бегания туда-сюда», «круговорота» до «беседы» и «разговора». В истории культуры оно зафиксировано в заглавии знаменитого труда Р. Декарта 1637 г., который, видимо, неадекватно переводится на русский как «Рассуждение о методе». В «Археологии знания» (1969) М. Фуко пишет о смутном значении слова *дискурс* [8, с. 81]. В книге «Фрагменты любовного дискурса» (1977) Р. Барт активно опирается на древние латинские смыслы слова, что также свидетельствует об отсутствии его однозначного терминологического смысла [9, с. 81].

Остро актуальной категорией гуманитарных наук дискурс, как известно, становится в середине 1960-х гг., а в 1970-1980-е гг. складывается новое междисциплинарное направление, получившее название *дискурсивный анализ*. Истоки теории дискурса Т. ван Дейк возводит к античным риторикам и поэтикам. В качестве важнейшего источника дискурсивного анализа он называет работы русской формальной школы, В. Я. Проппа, французских структуралистов. В отечественном литературоведении теория дискурса стала активно развиваться лишь в 1990-е гг., прежде всего благодаря работам и журналу В. И. Тюпы «Дискурс».

Очевидно, что становление теории дискурса связано с движением науки от структурализма к постструктурализму, а культуры – от модерна к постмодерну. У Р. Барта это проявилось в разграничении категорий *произведение* и *текст* (интертекст), у М. Фуко – в движении от книги и произведения к дискурсу. У В. И. Тюпы – в различении категорий *произведение*, *текст*, *дискурс*. Если произведение – изделие мастера, создающееся и воспринимающееся в соответствии с известными правилами, текст – способ внешнего обнаружения реальности креативного авторского сознания, то дискурс – это текст (речь), понятый как «коммуникативное событие социокультурного взаимодействия» [10].

Дискурс, как и интертекст, меняет представление об объекте исследования в гуманитарных науках. Им становится не замкнутая структура, подлежащая описанию и моделированию, а текст, разомкнутый в пространство межтекстовых связей, или дискурс как речь, включенная в социокультурный контекст. Закономерно, что отечественная теория дискурса опирается прежде всего на идеи М. М. Бахтина о внут-

ренней диалогичности слова и о произведении как единстве текста и контекста. Сегодня с сожалением приходится констатировать, что эти идеи не вошли в практику университетского преподавания литературы. Они существенно меняют взгляд историка литературы на произведение, которое предстает с этой точки зрения как процесс, «предмет» и «отношение» одновременно, величина изменчивая, «смысловая множественность» (Р. Барт).

Исходным в понимании термина *дискурс* является, очевидно, его лингвистический смысл. Так, в «Общей лингвистике» Э. Бенвениста на смену соссюрианской диаде язык-речь утверждается триада язык-дискурс-речь. По мнению Э. Бенвениста, дискурс – это процесс обращения языка в речь, «присвоения языка говорящим» [11, с. 288, 289]. Исследователь особенно подчеркивает, что пространство дискурса – это пространство дискретных и всякий раз неповторимых актов, «посредством которых говорящий актуализирует язык в речь» [11, с. 285].

Такое понимание дискурса лежит в основе дискурсного анализа как междисциплинарного направления, разрабатываемого Т. ван Дейком. Его работы хорошо известны у нас в стране и оказали существенное влияние на отечественную теорию дискурса, в частности, В. И. Тюпы.

С точки зрения Т. ван Дейка, дискурс – «это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [12, с. 113]. Дискурсный анализ, по Т. ван Дейку, это изучение текстов «как особого типа языкового употребления», иначе говоря, изучение «особого типа текстов, относящихся к специфической социокультурной деятельности» [12, с. 112].

Если реконструировать осуществленный Т. ван Дейком анализ новостей как дискурса, то становится ясно, что дискурсный анализ текста включает в себя два аспекта. Во-первых, текстуальный анализ, то есть структурный анализ текста на всех его уровнях: от фонетического до синтаксического. Поэтому, в частности, дискурсный анализ называют иногда лингвистикой текста. Во-вторых, контекстный (контекстуальный) анализ. Основой дискурсного анализа является, таким образом, идея о том, что структура(ы) текста определяется характером контекста(ов). В результате смысл текста предстает как процессуальное и бесконечно изменчивое явление, при этом «бесконечность» поддается строгому исследовательскому исчислению.

Очевидно, что категория *дискурс* максимально адекватна при изучении гипертекстовой словесности и постмодернистской литературы с ее эстетикой эклектики и полистилистики, суть которой можно передать словами В. Пелевина: «Мнения автора могут не совпадать с его точкой зрения» [13, с. 5]. Так, в романе «Generation "П."» авторское «я» существует как пространство пересечения различных дискурсов: от художественного, мифологического до рекламного, PR-дискурса, теледискурса.

Методика контекстуального анализа Т. ван Дейком разработана достаточно приблизительно. Ясно, что в нем особую роль играют категории субъекта и адресата дискурса. На примере анализа новостей как дискурса он показывает зависимость интерпретации текста от множества социокультурных характеристик субъекта и адресата дискурса: пола, возраста, происхождения, рода занятий, социального статуса, обладания властью и т. д.

Эта идея представляется чрезвычайно важной для современного литературоведения и в целом гуманитарных наук как «наук о духе» (В. Дильтей). Традиционно мы изучаем художественное произведение с точки зрения его поэтики, с позиции вопроса о том, как оно сделано, устанавливая при этом один его смысл – абстрактный смысл, смысл вообще, которым, в сущности, наделяет его исследователь, не дающий себе отчета о том, как и почему он «центрирует» текст. В сегодняшних условиях эта ситуация предстает как сциентистская утопия.

Дискурсный анализ текста предполагает ответ на два основных вопроса: 1) каков смысл текста в конкретной социокультурной ситуации; 2) почему интерпретатор так понимает текст и как его сегодняшнее понимание обусловлено а) субъективными контекстами интерпретатора, центрирующими его сознание и диктующими способ интерпретации; б) объективными контекстами культурных эпох.

Дискурсный анализ вносит новые акценты в понимание субъекта или автора дискурса, связанные с проблематикой реальной жизни писателя (исследователя) и функционирования его произведений в культуре, «измеряющейся» в категориях литературной репутации, стратегии литературного успеха и т. д.

Итак, смысл и цель дискурсного анализа в том, чтобы понять произведение в процессе его живого функционирования в реальном социокультурном пространстве. Это, очевидно, тот важнейший эвристический смысл, который делает категорию *дискурс* столь востребованной сегодня.

Мы пока изучаем литературу вообще, вне ее укорененности в сложно структурированной социальной жизни. Ясно, что выход из этой ситуации возможен для литературоведения лишь при условии его тесного взаимодействия с социологией, рецептивной эстетикой, герменевтикой, культурологией и потребует от нас новых стратегий в преподавании литературы.

Второй важнейший эвристический смысл актуальности категории *дискурс* связан с литературоведческим освоением концепции истории культуры М. Фуко. С ней можно соглашаться или не соглашаться, но его понимание дискурса как особого рода словесного измерения сознания и культуры в условиях теоретического (или реального?) кризиса логоцентризма становится остро востребованным филологической наукой. Дискурс для М. Фуко – это, во-первых, языковой «порядок», который в обществе организуется и контролируется через систему запретов; во-вторых, это власть, существующая до и вне конкретного субъекта, в-третьих, это особый речевой ритуал с конкретными способами поведения человека.

Такое понимание дискурса может стать основой для самосознания современного литературоведения, для ответа на вопрос в том, что представляет собой литературоведческий и – шире – филологический дискурс в нынешней ситуации «парадигматического сдвига» (В. Пелевин).

Сегодня очевидно, что литература не является, как это было в XIX в. или в советской культуре, «нашим все», уступив почетное первое место в массовом сознании телевидению и в целом визуальной культуре, музыке, а в последнее время – новой «книге книг» — Интернету и так называемой сетевой словесности. Существуя в европейской научной традиции как минимум две с половиной тысячи лет, филология должна осмыслить себя в ситуации кризиса традиционного литературоцентризма русской культуры.

Разрушение литературоцентризма российского сознания очевиднее всего проявилось в судьбе мифа о великой русской литературе в XX в. Миф о литературе как воплощении высшей Правды, о писателе как Учителе жизни — один из важнейших русских мифов, глубоко укоренен в национальной традиции и порожден культурной ситуацией послепетровской России, когда, по словам Ю. М. Лотмана, «писатель занял то место», которое в древнерусской культуре отводилось «святому — проповеднику, подвижнику, мученику» [14, с. 118].

Бунт против литературоцентризма русской культуры начали в XIX в. Гоголь, Леонтьев, Толстой, Достоевский, создавшие традицию «преодоления литературы» (А. Д. Синявский), то есть выхода художника за пределы литературы в сферу жизни и религии. В XX в. эта тенденция становится одной из важнейших, если не считать ортодоксальный соцреализм, активно эксплуатировавший миф о литературе как воплощении высшей Правды. В начале XX в. бунт против литературоцентризма русской культуры радикально проявился в творчестве В. В. Розанова, провозгласив-

шего в 1917 г.: «Россию убила литература» [15, с. 625] и мечтавшего о том, что он будет последним русским писателем, а жизнь будет развиваться по внелитературным законам.

В 1970-е годы этот бунт столь же радикально выразил В. Шаламов, утверждавший: «Опыт гуманистической русской литературы привел к кровавым казням двадцатого столетия перед моими глазами» [16, с. 3]. В 1990-е годы литературоцентризм российской культуры был осознан Д. Галковским как ее «бесконечный тупик». Писатели и критики поколения «русских цветов зла» (Вик. Ерофеев) осуществили деконструкцию русской классической литературы, десакрализацию образа писателя-Учителя и искусства как «возвышающей альтернативы» жизни (Б. Парамонов). В 1990-е годы, кроме того, стремительно формируется пласт отечественной массовой, или формульной литературы, выполняющей функцию развлечения и ухода от действительности, что также разрушает представления о литературе как воплощении высшей Правды. В результате миф о великой русской литературе если и не потерпел крушение, продолжая питать существенные пласты культуры, ориентирующейся прежде всего на православную традицию, то утратил статус главного в национальной литературной мифологии.

Литература из «нашего все», доминанты культуры превращается в ее рядовое явление, писатель из Учителя и подвижника – в обыкновенного человека, частное лицо, а основными категориями рождающейся культуры постмодерна становятся жизнь и тайна. Последний, видимо, подвижник и мученик русской литературы – А. И. Солженицын – превращается в ее юродивого.

На наших глазах вырастает поколение, для которого хрестоматийны понятия гипертекста, мультимедийного метатекста, феномена постлитературы. Ему вняты идеи о том, что будущее литературы – в обслуживании визуальных практик. Это то поколение, для которого культура гетерогенна и полицентрична и которое, осознавая противостояние жизни и литературы, выбирает жизнь.

В последнее десятилетие филология перестала быть тем, чем мы привыкли ее считать – «высшей формой гуманитарного образования» (Д. С. Лихачев), а филфак из «оплота духовности» превратился в массовом сознании в «непрестижный» факультет или, в лучшем случае, факультет, «широко известный в узких кругах». Можем ли мы сегодня по-прежнему утверждать вслед за Д. С. Лихачевым, что филология «лежит в основе всей человеческой культуры»? [15, с. 206]. Сохраняются ли сегодня «властные полномочия» филологического дискурса, связанные с тем, что изначально филология является формой самопознания культуры и «службой понимания», выполняя одну из главных человеческих задач – понимания слова, человека, культуры, своей и чужой эпохи?

Ясно, что современная филология переживает кризисное время, обращая нас к самосознанию, выработке новых научных и образовательных стратегий, наконец, к активному диалогу с коллегами-гуманитариями. Категория *дискурс* позволяет современному литературоведению не только избавиться от комплекса неполноценности, возникшего у него в условиях кризиса литературоцентризма русской культуры, но и заново осознать себя в новой картине культуры рубежа веков и тысячелетий с ее гетерогенностью, полицентричностью, идеей возможностей и границ различных культурных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю. М. Текст в тексте //Текст в тексте. Тр. по знак. системам – XIУ. Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 567. Тарту, 1981.

2. См., напр.: Ревзина О. Г. Язык и дискурс //Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 1; Бисималиева М. К. О понятиях «текст» и «дискурс» // Филологические науки. 1999. № 2.

3. Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка //Семиотика. М., 1983.

4. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
5. Жирмунский В. М. К вопросу о «формальном методе» // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
6. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994.
7. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
8. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
9. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М., 1999.
10. Тюпа В. И. Постсимволизм. Самара, 1998.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
12. Ван Дейк Т. А. Анализ новостей как дискурса // Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
13. Пелевин В. О. Generation «П». М., 1999.
14. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. Тр. по русской и славянской филологии. Вып. 683. Тарту, 1986.
15. Лихачев Д. С. О филологии. М., 1989.

*Людмила Семеновна ФИЛИПОВА –
доцент кафедры русского языка
филологического факультета, кандидат
филологических наук*

УДК 801. +808. 2 +809. 44/45

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О ТЮМЕНСКОМ СЕВЕРЕ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются функции ненецкого и мансийского языков, отражающиеся в произведениях К. Носилова, А. Неркаги и Ю. Шесталова. Наиболее ярко в художественных текстах представлена познавательная и магическая функция языка. Своеобразна фатическая (контактоустанавливающая) функция речи, зависящая от условий жизни северных народов.

The author analyses some functions of the Khanty and Mansy languages reflected in the stories by K. Nosilov, A. Nerkagi and Yu. Shestalov. The functions that received the utmost coverage are cognitive, magic and phatic. The latter is dependent upon ethnographic peculiarities of northern indigenous peoples.

Поводом для написания статьи послужили многочисленные высказывания о слове в произведениях Анны Неркаги, которые встречаются как в речи героев, так и в речи самой писательницы. Например, в предисловии к повести «Молчащий» А. Неркаги пишет: «Я боюсь предсказывать. Заметила, что предчувствия мои сбываются. Это обязывает быть осторожным со Словом, особенно с тем, что приходит в душу в минуту ни с чем не сравнимого волнения, схожего со странной болезнью: ум разгорячен, внутренний взор видит то, что в обычном состоянии вовсе не заметно. Тогда можно сказать все» [1, 232]. Сказанное позволило предположить возможность использования художественных произведений в качестве источников для наблюдения за функционированием языка.

Итак, целью статьи является описание отраженных в художественных текстах особенностей функционирования языка у народов Тюменского Севера (манси, ненцы).